

И.Ю. Алексеева

Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема

Алексеева Ирина Юрьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ialexeev@inbox.ru

В статье раскрывается междисциплинарный и трансдисциплинарный характер проблем формирования исторической памяти, ее модификации и активации. Рассматривая сложные взаимосвязи исторической памяти с исторической наукой, автор опирается на работы современных историков – Б.Н. Миронова, И.М. Савельевой, В.В. Согрина. Особое внимание уделяется обсуждаемым в этих работах вопросам «суверенитета исторической профессии», «клиотерапевтической» ориентации исследований, оценки «презентизма» как методологической установки. Характеризуются подходы к феномену исторической памяти, представленные в других гуманитарных науках – философии, социологии, политологии, педагогике. Подчеркивается отличие профессиональных ценностей ученого от ценностей представителей других профессий, существенно влияющих на историческую память человека и общества. Речь идет о создателях произведений художественной литературы и искусства, журналистах, политтехнологах, производителях видеоигр. Память о прошлом представлена в данной статье как важный фактор информационно-психологической безопасности личности и общества, приобретающий особое значение в условиях «исторических войн», или «войн памяти».

Ключевые слова: историческая память, память о прошлом, презентизм, «войны памяти», информационно-психологическая безопасность, трансдисциплинарность

В философской литературе, посвященной проблематике управления, сегодня можно встретить такие, необычные на первый взгляд, словосочетания, как «управление свободой», «управление временем», «управление памятью». Слово «управление» в подобных случаях употребляется в качестве синонима таких слов, как «распоряжение», «организация», «влияние», «воздействие».

Наряду с упомянутыми используется и абсурдное (если понимать его буквально) выражение «управление прошлым». Однако за этой эффектной формулировкой, как правило, не кроются представления о способности человека влиять на прошлое как таковое и производить изменения в последнем: речь идет о влиянии на память о прошлом – прежде всего, на историческую память обществ, групп и отдельных людей. Это предполагает изменения в организации данного вида памяти, перемещение тех или иных фактов из «накопительных устройств памяти» в активную память (и наоборот), включение в сферу общественного внимания новых интерпретаций событий прошлого и т. д. Не случайно проблематика исторической памяти обсуждается во взаимосвязи с вопросами «исторической политики», «политики памяти», «политического использования прошлого», «войн памяти», информационной политики и информационных войн. Если управление вообще понимается как «преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение заданной цели», а процесс управления – как «процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью» [Диев, 2018, с. 51], то управление исторической памятью может рассматриваться как особый вид управления. В этом контексте уместна постановка вопросов о специфике памяти как объекта разного рода воздействий, о субъектах воздействия и деятельности, о целях, которые ставят перед собой субъекты, о ценностно-нормативных системах, регулирующих «управление памятью».

Проблематика, связанная с феноменом исторической памяти, находится на пересечении интересов разных гуманитарных наук – философии, социологии, политологии, филологии, психологии. К указанной проблематике имеют отношение не только гуманитарные, но также технические и естественные науки – прежде всего, информатика и нейронауки. Однако практический характер, общественная и личностная значимость задач, касающихся формирования исторической памяти (как и определения ее надлежащего места и роли в самосознании человека и общества), позволяют вести речь не только о междисциплинарном, но и о трансдисциплинарном статусе проблем исторической памяти. Под трансдисциплинарностью в данном случае имеется в виду свойство проблемы не только не «помещаться» в рамки какой-либо одной научной дисциплины, но и выходить вовсе за пределы науки – в сферу практики и жизненные миры людей.

«Историческая политика» и профессиональные ценности

Существенную часть в исторической памяти современного человека и общества занимают знания, накопленные исторической наукой. Однако вопрос об отношении исторической науки к исторической памяти не так прост, как может показаться на первый взгляд. Примечательны характеристики современной ситуации, представленные в работах М.М. Федоровой: «...история и память, всегда тесно взаимосвязанные, оказались в состоянии жесткого противостояния, доходящего до разрыва», «...память – в ущерб истории – заполнила собой

все пространство отношений человека к своему прошлому, более того, она встала над историей в качестве главного способа управления прошлым» [Федорова, 2018, с. 109].

М.М. Федорова выделяет три группы наиболее остро дискутируемых в связи с этим вопросов, требующих философской рефлексии. Первую группу составляют вопросы, относящиеся к специфике взаимодействия исторической науки и практической политики, вторую – вопросы связи мемориальных практик с процессами коллективной идентификации, третью – вопросы различения ролей историка, эксперта и судьи [Там же, с. 115–116]. Соглашаясь с правомочностью такого различения, отметим, что именно вопросы первой из упомянутых групп наиболее очевидным образом «вторгаются» в сферу философии науки и теории познания.

Выражение «историческая политика» обычно употребляется как синоним «политики памяти». При этом речь идет о политике, проводимой государствами, влиятельными организациями и сообществами. «Политику памяти (politics of memory), – пишет Д.В. Ефременко, – можно рассматривать как функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого [Ефременко, 2018, с. 68]. Как правило, сообщество ученых-историков (чья профессиональная деятельность регулируется ценностно-нормативной системой, характерной для науки в целом, а также ценностями и нормами, учитывающими специфику исторического исследования) не только не рассматривается в качестве субъекта «исторической политики», но противопоставляется субъектам такого рода политики.

Порой сама постановка вопроса о влиянии историка на историческую память воспринимается как «соблазн», связанный с отказом ученого от производства «просто научного знания», вступлением в альянсы «власти и памяти», «власти и забвения» и, как следствие, «историзацией» наличной политической реальности [Савельева, Полетаев, 2005а, с. 170]. Следует отметить, однако, что, понимая слово «политика» в более широком смысле – как образ действий, предполагающий выработку стратегий и принятие тактических решений, – можно вести речь о политике самых разных субъектов (как индивидуальных, так и коллективных), не соотносимых непосредственным образом с государственной властью. С таких позиций субъектом исторической политики может считаться и независимый ученый, не входящий в упомянутые «альянсы с властью».

Что же касается исторической памяти как таковой, то ее роль в жизни человека и общества не может и не должна быть сведена к роли объекта «исторической политики». В.А. Лекторский справедливо характеризует историческую память как неотъемлемую часть сознания и самосознания общества, в существенном смысле аналогичную автобиографической памяти человека, а самосознание личности – как включающее осознание собственной принадлежности к некой исторической общности. При этом особое значение приобретает достоверность исторической памяти, а историческая наука воспринимается как образец осознанного отношения к вопросам достоверности знаний о прошлом [Лекторский, 2001, с. 245–246]. Стремление к достоверности не исключает различий в оценках исторических событий разными учеными

(или одним и тем же ученым в разные периоды своей деятельности) или в критериях отбора фактов для повествования.

Трудности изучения «следов прошлого в настоящем» порождают множество методологических и этико-аксиологических проблем. Современные историки, предлагая способы урегулирования таких проблем, надеются уменьшить число случаев, «когда доктора исторических наук извлекают из одного и того же архивного документа взаимоисключающие факты» [Согрин, 2018, с. 198], однако не утверждают, что подобных случаев можно вообще избежать. Объективная историческая истина имеет статус ценности, отказаться от которой означало бы, как правомерно утверждает историк В.В. Согрин, «поставить крест на исторической науке и профессии». Признавая, что «историческая истина как абсолютная категория недостижима», В.В. Согрин настаивает, что приближение к ней возможно и необходимо. Противопоставляя профессиональную историографию другим видам историографии¹, прежде всего «пропагандистской» и «обывательской», этот автор подчеркивает, что для профессиональной историографии характерно особое отношение к первоисточнику и к историографической традиции. Ученый-историк должен стремиться к «непредвзятому и сбалансированному привлечению источникового материала исследуемой темы, максимальному приближению к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов», а также к «полнокровному знанию и использованию историографии исследуемой темы» [Там же].

«Пропагандистскую» историографию В.В. Согрин характеризует как выполняющую задачи формирования исторического знания и сознания, угодного власти, а «обывательскую» – как поле деятельности более или менее независимых авторов, не имеющих представления о специфике исторических исследований, однако самонадеянно претендующих на знание исторической истины. «Публицист и писатель, – пишет В.В. Согрин, – не имеют представления о характере исторической науки, но рассматривают себя как носителей исторической истины. Профессиональные историки подчас добровольно следуют в фарватере пропагандистской и обывательской историографии. Осознание суверенитета исторической профессии и ее собственного места в формулировании исторического знания – задача, на мой взгляд, актуальная и перманентная» [Там же, с. 186].

Вопрос о «суверенитете исторической профессии» как важнейшей ценности в работе ученого-историка приобретает особое значение в условиях, когда представления общества о собственном прошлом становятся полем конкуренции различных сил, не только отстаивающих разные мнения по тому или иному конкретному вопросу, но и реализующих разные принципиальные установки и находящиеся в сфере действия различных ценностно-нормативных систем. Было бы большим упрощением считать историков единственной группой профессионалов, воздействующих на историческую память общества, зачисляя при этом представителей других родов занятий в категорию непрофессионалов

¹ Очевидно, под историографией здесь понимается описание, объяснение и оценка исторических событий, эпох, проблем.

(пусть и весьма влиятельных). Такой упрощенный взгляд склонен игнорировать ценности и нормы профессиональных групп (например, журналистов), играющих существенную роль в формировании исторического сознания и самосознания общества. Между тем артикуляция этих норм и ценностей, а также сопоставление ценностно-нормативных систем различных субъектов формирования исторической памяти общества и человека – необходимая предпосылка осмысления положения дел, сложившегося в данной области.

Очевидно, что ни журналисту, ни писателю не может быть вменено в обязанность необходимое для историка знание историографической традиции или скрупулезное изучение источников. Тем не менее истина является ценностью, с которой профессиональный журналист обязан считаться. Этические стандарты журналистики предполагают, что представитель данной профессии распространяет и комментирует лишь ту информацию, в достоверности которой он убежден, не искажает фактов и отделяет факты от мнений и гипотез. Однако журналист несравненно более свободен, чем ученый, в интерпретации фактов, выражении личного к ним отношения и собственных политических пристрастий.

Особое дело – ценности творческой деятельности писателя, вопросы соотношения исторической истины и художественной правды. Автор художественного произведения, ориентированный на классические ценности, стремится изучить (в меру собственных сил, несопоставимых с возможностями ученого-историка) материалы, относящиеся к описываемой эпохе и историческим личностям, избегать противоречий с признанными историческими фактами. Вместе с тем художественное произведение невозможно без вымышленных ситуаций и без героев, рожденных писательским воображением. Однако в современном литературном пространстве все более заметными становятся произведения, чьи авторы принципиально отказываются проявлять почтение к исторической истине. Так, наряду с давно известным жанром исторического романа получает распространение псевдоисторический роман. Соответственно, производятся псевдоисторические кинофильмы и сериалы, демонстрация которых может предваряться пояснением «авторы не ставили перед собой задачу реконструкции исторических событий» и ему подобными.

Что же касается так называемых исторических видеоигр (или компьютерных игр), то едва ли не все они являются на деле псевдоисторическими. И это не удивительно. Стремление к соответствию материала игры историческим фактам заведомо не входит в число профессиональных добродетелей разработчиков подобного «софта». Игра должна развлекать и увлекать, и если для данной цели нужно «усадить» на динозавров солдат немецкой армии периода Второй мировой войны, то почему бы этого не сделать? Знатоки игр утверждают, что стремление разработчиков «воссоздать историю» ведет, как правило, к тому, что игра становится скучной [Самые исторически достоверные ПК-игры, web]. Эффекты влияния видеоигр на историческую память человека отнюдь не очевидны, однако участие данного вида информационной продукции в «войнах памяти» является реальностью.

Государственные и общественные мероприятия, посвященные событиям прошлого (в литературе по проблематике исторической памяти такие меро-

приятия относят к «коммеморативным практикам»), все чаще готовятся при участии политтехнологов. Представители данного рода занятий, как правило, ориентированы на быстрое достижение конкретного результата, способствующего формированию желаемого имиджа групп и персон, чьи интересы обслуживает политтехнолог. Важной составляющей подобного имиджа является эмоциональная связь обслуживаемого лица (организации, группы) с обществом (или определенными частями общества), возникающая и укрепляющаяся в процессе совместного воспоминания и переживания общей истории. Не удивительно, что способы представления прошлого зависят в подобных случаях от интересов заказчика. Даже если работу политтехнолога выполняет человек с историческим образованием и ученой степенью по истории, этот человек в данной работе должен руководствоваться ценностями и нормами, весьма отличными от тех, что регулируют профессиональную деятельность историка.

Сложные проблемы возникают на пересечении ценностно-нормативных систем исторической науки и педагогической деятельности. Речь идет, прежде всего, о формировании исторической памяти ребенка и подростка в процессе преподавания истории в средней школе.

В сообществе ученых-историков представлены разные взгляды на то, каким образом профессиональная историография может и должна откликаться на запросы современности. На рубеже XX и XXI вв. доктор исторических наук Б.Н. Миронов, автор неоднократно переиздававшегося двухтомника «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)», выдвинул идею «клиотерапии», т. е. «лечения историей». «Историки, – пишет Б.Н. Миронов, – могут стать социальными врачами. Подобно тому как психоаналитик избавляет пациентов от различных комплексов, которые мешают им жить, путем объективного анализа их личной истории, так и историки могут избавить свой народ от комплексов, сформировавшихся в ходе национальной истории <...> путем достоверного анализа прошлого» [Миронов, 2003, с. 16]. Клиотерапевтический эффект собственного исследования упомянутый автор связывает с тем, что ему удалось, «опираясь на достижения отечественной и зарубежной, прежде всего американской, историографии, которая в настоящее время является самой продвинутой частью зарубежной русистики, используя понятийный аппарат и подходы современной социальной науки», выявить такие закономерности, как «поступательность» и «нормальность» российского исторического процесса. «Нормальность» по Б.Н. Миронову означает, что Россия является одной из европейских стран, а потому имеет все основания надеяться на европейское благополучие в будущем: «Россия – не ехидна в ряду европейских народов, а нормальная европейская страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий несколько не больше, чем в истории любого другого европейского государства. <...> Нормальность развития – гарантия того, что в свое время и в России будет и благосостояние, и правовое государство, и гражданское общество, и все другие блага цивилизации, которых так жаждет современный россиянин» [Там же, с. 17]. Отметим соответствие рассуждений подобного рода умонастроениям значительной части российского общества.

Позицию Б.Н. Миронова можно рассматривать как проявление презентизма (от англ. «present» – настоящее) в историографии. Презентизм в общем

смысле предполагает конструктивистский взгляд на историю как на образ прошлого, создание которого осуществляется в настоящем и не может быть независимым от сегодняшних забот и запросов. Презентизм как концептуальное направление в историографии открыто заявил о себе в конце XIX в. в США. Характеризуя американский презентизм, И.М. Савельева и А.В. Полетаев приводят следующие показательные цитаты. Ф. Тернер в работе «Значение истории», опубликованной в 1891 г., писал: «Каждый век пытается сформулировать свою концепцию прошлого. Каждый век заново пишет историю прошлого, соотнося ее с главной темой своего времени» [Turner, 1972, p. 200, цит. по: Савельева, Полетаев, 2005b, с. 64]. Дж. Робинсон и Ч. Бирд в предисловии к изданному в 1907–1908 гг. учебнику «История современной Европы» заявляли, что «сознательно подчинили прошлое настоящему <...> чтобы читатель мог идти в ногу со временем; с пониманием просматривать международные новости в утренней газете» [Robinson J.H., Beard Ch., 1972, p. 257, цит. по: Савельева, Полетаев, 2005b, с. 64]. «Одним из самых распространенных следствий презентистского подхода к истории, – пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев, – является взгляд на прошлое как на источник опыта. Причем важно подчеркнуть, что исторический опыт играет двоякую роль: используется для политической ориентации принятия политических решений, а также для оправдания и объяснения этих решений и связанных с ними действий» [Савельева, Полетаев, 2005b, с. 76].

Уподобление историка психоаналитику, предложенное Б.Н. Мироновым, вряд ли может считаться удачным – слишком уж велики различия между неврозами у человека и «социальными неврозами», между методами добывания (и систематизации) знаний о прошлом общества и методиками воздействия на бессознательное индивида. Тем не менее нельзя не признать, что память о социальном прошлом является одним из важных факторов информационно-психологической безопасности общества и личности.

Память о прошлом как фактор информационно-психологической безопасности

Под информационно-психологической безопасностью личности понимают состояние защищенности психики от действия информационных факторов, препятствующих формированию и успешному функционированию адекватной информационно-ориентировочной основы поведения и (или) вызывающих недопустимое понижение психологического потенциала человека [Грачев, 2003, с. 145; Смолян и др., 1997, с. 6–7]. Выражение «психологический потенциал» означает интегральную характеристику всех психологических свойств человека, необходимых для осуществления продуктивной жизнедеятельности. При этом продуктивной считается жизнедеятельность, обладающая такими свойствами, как 1) устойчивость, 2) направленность на удовлетворение биологических, материальных и духовных потребностей человека, 3) способность обеспечивать все большую независимость субъекта от неблагоприятных условий среды. Информационно-психологическая безопасность личности тесно связана с информационно-психологической безопасностью общества,

однако вопросы формирования адекватной информационно-ориентировочной основы жизнедеятельности общества в целом (как и вопросы обеспечения необходимого социально-психологического потенциала) имеют свою специфику, определяемую особенностями общества как сложной системы.

Термин «информационно-психологическая безопасность» был предложен и введен в научный оборот российскими психологами в середине 90-х гг. XX в. В некоторых контекстах данный термин можно рассматривать в качестве своеобразного дополнения к достаточно давно известному термину «психологическая защита», однако чаще всего он употребляется как базовый для соответствующего направления исследований. Осознанию важности проблем информационно-психологической безопасности способствовало развитие электронных коммуникационных технологий, ведущее к существенному увеличению объемов информации, получаемой человеком по техническим каналам связи, а не из собственного опыта и непосредственного общения. Особое значение в этом контексте приобретает все более широкое использование современных информационных технологий для воздействий на сознание человека самыми разными субъектами, как индивидуальными, так и коллективными, преследующими собственные цели, зачастую далекие от интересов человека, подвергающегося таким воздействиям.

Одним из важных факторов информационно-психологической безопасности человека является положительный (и при этом не порывающий связей с действительностью) «само-образ». Речь идет не только об образе «Я», но и об образе «Мы», то есть совокупности знаний и представлений о группе или общности, с которой данный человек себя отождествляет. Память о прошлом как автобиографическая память личности – существенная часть образа «Я». Репрезентация этого вида памяти в автобиографическом повествовании предполагает в качестве условия отсутствие угроз использования сказанного или написанного против самого автора [Щедрина, 2017, с. 115–117]. Однако на отсутствие подобных угроз вряд ли может рассчитывать автор, повествующий о прошлом исторической общности, к которой он принадлежит. В современном информационном пространстве разворачиваются «войны памяти», являющиеся результатом и инструментом «исторической политики» государств, организаций и групп.

О.Ю. Малинова, отмечая значимость «общепринятых» представлений о прошлом в самосознании современных сообществ, так характеризует мотивы политического использования прошлого: «Без обращения к коллективной памяти трудно обойтись, когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочих задачах, составляющих предмет ежедневной заботы политиков. Неудивительно, что история все чаще становится ареной политического соперничества» [Малинова, 2014, с. 69]. Поскольку представления о коллективном прошлом являются частью самосознания личности, «войны памяти» порождают новые вызовы информационно-психологической безопасности человека.

Реакция на подобного рода угрозы находит яркое выражение в обществах, для которых характерна высокая степень осознания взаимосвязи и взаимосвя-

висимости «Я» и «Мы». Примером могут служить события на Дальнем Востоке, вызванные изданием в Японии учебников истории, оправдывающих военные действия этой страны в Азии, начатые в 30-е гг. XX в. и продолжавшиеся до конца Второй мировой войны, а также проводившуюся в этот период политику в отношении народа Кореи. Так, в апреле 2001 г. в Сеуле проходили анти-японские выступления, ставшие ответом на издание «Нового учебника истории», написанного членами созданного в 1997 г. «Общества по реформе учебников истории» и одобренного Министерством образования Японии. В этом учебнике война, начатая Японией в 30-е гг., была представлена как «Великая война в Восточной Азии», имевшая целью создание «Великой азиатской зоны совместного процветания»; при этом были практически проигнорированы страдания и ущерб, причиненные народу Кореи японскими властями. Возмущение корейцев вызывало и толкование истории корейско-японских отношений начиная с древних времен [Стрелова, 2012]. Результатом стали демонстрации в Сеуле, участники которых жгли японские флаги. Посол Японии был вызван в правительство, Южнокорейская ассоциация учителей истории выступила с протестом против фальсификации истории своей страны. В это же время в Токио группа корейских историков провела многодневную голодовку, посол Южной Кореи неоднократно встречался с министром образования Японии, призывая внести исправления в учебник, а после отказа министерства сделать это посол был отозван в Сеул для консультаций. В середине «нулевых» соседи Японии были возмущены решением Министерства образования этой страны одобрить учебники, авторы которых преуменьшали размеры массовых убийств гражданского населения Китая в 1937 г. во время «нанкинской бойни». Протестные акции, ставшие ответом на одобрение таких учебников, состоялись в ряде китайских городов, в Пекине прошли митинги у японского посольства. Дело не ограничилось мероприятиями мирного характера, протестующие громили витрины японских магазинов и ресторанов [Там же, с. 92–93].

Жители Российской Федерации и русские, живущие за ее пределами, не проявляют в подобных формах своего возмущения содержанием учебной литературы. Это не означает, что наши соотечественники в целом безразлично относятся к «исторической политике», направленной на оправдание действий против России и русских. Уже в 90-х гг. XX в. педагоги в бывших советских республиках выражали беспокойство в связи со стрессами, которым подвергаются русские дети, вынужденные изучать историю по учебникам новых независимых государств. В «нулевых» годах в рамках проекта «Формирование у молодежи неконфронтационных, интеграционных взглядов на историю в России и странах постсоветского пространства» было проведено масштабное исследование, в ходе которого осуществлен сбор и частичный перевод 187 школьных учебников и учебных пособий по истории 12 стран, ранее имевших статус советских республик. Это Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Украина, Эстония. Анализ соответствующих материалов представлен в докладе «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» [Освещение общей истории, 2009] и других

публикациях. «Анализ школьных учебников истории постсоветских стран, – пишет А.И. Филиппов, – показывает, что, за исключением Белоруссии и (в меньшей степени) Армении, все остальные страны пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки истории, основанной на мифах об автохтонности, <...> об этнической однородности, о заклятом враге. При этом в качестве “заклятого врага” используется образ России и русских» [Филиппов, 2015, с. 48]. Усилия, прилагавшиеся Россией и русскими для социально-экономического развития национальных окраин (включая строительство железных дорог, городов и заводов, открытие университетов и театров), оцениваются с позиций националистической историографии как проявление эксплуатации и русификации, а положительные изменения в жизни нерусских народов – как происходившие вопреки «имперскому центру» и его политике. В сознании бывших советских народов формируется «образ России как зловещей империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их предков» [Там же, с. 61–62]. Подобные случаи можно рассматривать как предпринимаемые и одобряемые на государственном уровне попытки повысить психологический потенциал общества в целом, понижая при этом психологический потенциал его части (различаемой, как правило, по этническому признаку). Но можно ли утверждать, что таким образом обеспечивается информационно-психологическая безопасность представителей «титულიной нации»? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, поскольку одним из важнейших условий информационно-психологической безопасности является надежная информационно-ориентировочная основа поведения, требующая адекватного «само-образа» субъекта и адекватной модели мира с надежной фактологической основой принятия решений.

Для современного российского общества характерно чрезвычайное разнообразие в способах описания национального прошлого, оценки исторических событий и конструирования образа «Мы». Отражение такого разнообразия в учебной литературе создает специфические трудности в усвоении школьниками исторических знаний и формировании исторического сознания новых поколений. В современных российских дискуссиях немаловажное место занимает проблема фальсификации истории. При этом фальсификация трактуется в широком смысле слова, охватывающем не только подделку, уничтожение или сокрытие документов, но также тенденциозный отбор и толкование фактов, позволяющее изобразить отсутствующие в реальности связи между фактами. Однако тенденциозный отбор и истолкование, в отличие от уничтожения и подделки, обычно подается как реализация права автора на собственную точку зрения. К тому же автор исторического повествования имеет возможность применять или не применять современные моральные нормы, оценивая события, происходившие в иные эпохи и в обществах с иной моралью.

Сложность ситуации осознают и учителя-практики, и ученые, работающие в области педагогики. Показательно в этом отношении название статьи О.Ю. Стреловой – «История в школе остается “полем битвы за прошлое”, потому что “войны памяти” не утихают». О.Ю. Стрелова пишет: «Когда бои за “Историю”, а значит, бои за память и сознание молодых людей приобретают

все более утонченные формы, растет в цене не объем учебной информации, а умения ориентироваться в ее круговоротах и не становиться жертвами манипуляций» [Стрелова, 2012, с. 96]. В таком контексте правомерным выглядит поставленный О.Ю. Стреловой вопрос о необходимости изучать феномен «войн памяти» в курсах истории. Разумеется, само по себе знание старшеклассника о том, что ему предстоит жить в мире, где идут «войны памяти», не гарантирует защищенности от манипуляций и формирования адекватного образа «Мы», включающего память о прошлом. Однако предупреждение о конфликтности соответствующих сегментов информационной среды и некоторое знакомство с примерами подобных «войн» способны помочь в общей ориентации и стимулировать поиск конкретных, необходимых данному человеку средств обеспечения собственной информационно-психологической безопасности.

Формы и виды «войн памяти» многообразны и отнюдь не ограничиваются «войнами учебников истории». С проблемами информационно-психологической безопасности в стремительно меняющейся информационно-коммуникационной среде сталкиваются не только школьники, но и вполне взрослые люди, и, конечно же, такие проблемы касаются не только памяти о прошлом народов, стран или личностей. Так или иначе, современному человеку необходимо знание о том, что историческая память является объектом конкуренции различных сил, действия которых регулируются разными ценностно-нормативными системами. Проблематика исторической памяти не ограничивается рамками одной науки, она имеет междисциплинарный и трансдисциплинарный характер, ее осмысление требует не только научной методологии, но и жизненной мудрости. Сказанное в полной мере относится к вопросам влияния на историческую память общества и человека, на процессы ее формирования, изменения и развития.

Список литературы

Грачев, 2003 – *Грачев Г.В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М.: Когито-Центр, 2003. 450 с.

Диев, 2018 – *Диев В.С.* Эпистемологические и методологические аспекты философии управления: неопределенность, риск, принятие решений // *Сибирский философский журнал*. 2018. Т. 16. № 1. С. 48–64.

Ефременко, 2018 – *Ефременко Д.В.* Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности // *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерение. Сборник научных статей*. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 67–74.

Лекторский, 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. 256 с.

Малинова, 2014 – *Малинова О.Ю.* Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // *Вестник РГНФ*. 2014. № 1. С. 69–78.

Миронов, 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.

Освещение общей истории, 2009 – *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова*. М.: Центр общественных технологий, 2009. 389 с.

Савельева, Полетаев, 2005a – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: ВШЭ, 2005. С. 170–220.

Савельева, Полетаев, 2005b – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.

Самые исторически достоверные ПК-игры, web – Самые исторически достоверные ПК-игры. URL: <https://genapilot.ru/historical-games> (дата обращения: 01.02.2019).

Смолян и др., 1997 – *Смолян Г.Л., Зариковский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е.* Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М.: Ин-т системного анализа РАН, 1997. 52 с.

Согрин, 2018 – *Согрин В.В.* Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203.

Стрелова, 2012 – *Стрелова О.Ю.* История в школе остается «полем битвы за прошлое», потому что «войны памяти» не утихают // Проблемы современного образования. 2012. № 6. С. 83–98.

Федорова, 2018 – *Федорова М.М.* История/память: «трудная дилемма» // История философии / History of Philosophy. 2018. Т. 23. № 1. С. 108–121.

Филиппов, 2015 – *Филиппов А.И.* Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Вып. 12. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. С. 44–62.

Щедрина, 2017 – *Щедрина И.О.* Формирование образа Я в автобиографическом нарративе: эпистемологический аспект // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 4. С. 115–120.

Rieff, 2016 – *Rieff D.* In Praise of Forgetting: Historical Memory and its ironies. New Haven, CT: Yale University Press, 2016. 160 p.

Robinson, Beard, 1972 – *Robinson, J.H., Beard, Ch.* Preface to “The Development of Modern Europe” [1907–1908] // The Varieties of History: From Voltaire to the Present, ed. by F. Stem. 2nd ed. N. Y.: Vintage Books, 1972. P. 257–258.

Turner, 1972 – *Turner F.J.* The Significance of History [1891] // The Varieties of History: From Voltaire to the Present, ed. by F. Stem. 2nd ed. N. Y.: Vintage Books, 1972. P. 198–208.

Management of historical memory as a transdisciplinary problem

Irina Yu. Alekseeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ialexeev@inbox.ru

The author tries to reveal interdisciplinary and transdisciplinary nature of problems that concern historical memory with its forming, revision and activation. The author examines complex interconnections of historical memory on the one hand and studies in history – on the other hand. In this context the author takes into consideration works by historians Vladimir Sogrin, Boris Mironov, Irina Poletaeva, and pays special attention to such items as “sovereignty of the profession”, “clio-therapy” effect of historical narrative and evaluation of presentism in methodology of research in History. The author tries to define approaches to historical memory in humanities beyond history: in philosophy, sociology, political studies, pedagogy. The author emphasizes the difference between professional values of scholar and values of other professions that effect historical memory considerably (that is writers, artists, journalists, political strategists game designers etc.). In the context of “historical

wars” memory about the past is considered as an important factor of information-psychological security of persons and societies.

Keywords: historical memory, memory about the past, presentism, “wars of memory”, information-psychological security, transdisciplinary

References

Diev, V.S. “Epistemologicheskie i metodologicheskie aspekty filosofii upravleniya: neopredelennost’, risk, prinyatie reshenij” [Epistemological and Methodological Aspects of Philosophy of Management; Uncertainty, Risk, Decision Making], *Sibirskij filosofskij zhurnal*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 48–64. (In Russian)

Efremenko, D. V. “Politika pamyati i ee rol’ v formirovanii evropejskoj identichnosti” [Memory policy and its role in shaping of European identity], *Formirovanie sovremennoj evropejskoj identichnosti v ramkax integracii ES: social’noe i kul’turnoe izmereniya* [Formation of modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimensions]. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018, pp. 67–74. (In Russian)

Fedorova, M.M. “Istoriya/pamyat’: ‘trudnaya dilemma’” [History/Memory: “Hard Dilemma”], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 108–121. (In Russian)

Filippov, A.I. “Shkol’naya istoriya i obshhestvennoe mnenie v postsovetских stranax” [School history and public view in post-Soviet countries], *Istoriya i istoricheskaya pamyat’: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [History and historical memory: interuniversity collection of scientific works], issue 12. Saratov: Publ. of Saratov state University, 2015, pp. 44–62. (In Russian)

Grachev, G.V. *Lichnost’ i Obshhestvo: Informacionno-psixologicheskaya bezopasnost’ i psixologicheskaya zashhita*. [Person and society: informational-psychological security and defence]. Moscow: Cogito-center Publ., 2003. 450 pp. (In Russian)

Lektorsky, V.A. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya*. [Classic and non-classic epistemology]. Moscow: URSS Publ., 2001. 256 pp. (In Russian)

Malinova, O.Yu. “Ispol’zovanie simvolov proshlogo v politike postsovetской Rossii: evolyuciya podkhodov” [Symbols of the past in post-Soviet Russia policy: evolution of approaches], *Vestnik RGNF*, 2014, no. 1, pp. 69–78. (In Russian)

Mironov, B.N. *Social’naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 tt.* [Social history of Russia. Period of Imperia (XVIII – early XX century. 2 vols]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003, 583 pp. (In Russian)

Osveshhenie obshhej istorii Rossii i narodov postsovetских stran v shkol’nyx uchebnikax istorii novyx nezavisimyx gosudarstv [Presentation of common history of Russia and peoples of post-Soviet countries in school textbooks on history in New Independent States], eds. A.A. Danilov & A.V. Filippov. Moscow: Centr Obschestvennyh Tsehnologii Publ., 2009. 391 pp. (In Russian)

Rieff, D. *In Praise of forgetting: historical memory and its ironies*. New Haven, CT: Yale University Press, 2016. 160 pp.

Robinson, J.H., Beard, Ch. “Preface to “The Development of Modern Europe”” [1907–1908] in: *The Varieties of History: From Voltaire to the Present*, ed. by F. Stem. 2nd ed. New York: Vintage Books, 1972, pp. 257–258.

Samye istoricheski dostovernye PK-igry [The most historically reliable games]. [https://genapilot.ru/historical-games, accessed on 01.02.2019]. (In Russian)

Savelyeva, I.M., Poletaev A.V. “Istoricheskaya pamyat’: k voprosu o graniczax ponyatiya” [Historical memory: on the borders of the notion] in: *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Moscow: Higher school of Economics Publ., 2005, pp. 170–220. (In Russian)

Savelyeva, I.M., Poletaev, A.V. “O pol’ze i vrede prezentizma v istoriografii” [On use and harm of presentism in historiography] in: “*Cep’ vremen*”: *Problemy istoricheskogo soznaniya*

[“Chain of times”: Problems of historical consciousness]. Moscow: IWH RAS Publ., 2005, pp. 63–88. (In Russian)

Shchedrina, I.O. “Formirovanie obraza Ya v avtobiograficheskom narrative: epistemologicheskij aspekt” [Formation of Self Image in autobiography narrative: epistemological aspects], *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 115–120. (In Russian)

Smolyan, G.L., Zarakowski, G.M., Rozin, V.M., Voiskounsky, A.E. *Informacionno-psichologicheskaya bezopasnost’ (opredelenie i analiz predmetnoj oblasti)* [Informational and psychological security (definition and analysis of the subject)]. Moscow: Institut sistemnogo analiza Publ., 1997. 52 pp. (In Russian)

Sogrin, V.V. “Professional’naya, propagandistskaya i obyvatel’skaya istoriografiya” [Professional, propagandist and philistine historiography], *Novaya i novejschaya istoriya*, 2018, no. 1, pp. 185–203. (In Russian)

Strelova, O.Yu. “Istoriya v shkole ostaetsya ‘polem bitvy za proshloe’, potomu chto ‘vojny pamyati’ ne utixayut” [History in school is “area of battles for the past” because “wars of memory” are continuing], *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2012, no. 6, pp. 83–98. (In Russian)

Turner, F.J. “The Significance of History [1891]”, in: *The Varieties of History: From Voltaire to the Present*, ed. By F. Stem. 2nd ed. New York: Vintage Books, 1972, pp. 198–208.